

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРАЛИСТСКОГО ПОДХОДА Х. УАЙТА: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный педагогический
университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

CHARACTERISTICS OF H. WHITE'S STRUCTURALIST APPROACH: THE SOCIAL DIMENSION

V. Skopa

Summary. White's H. structuralism represents a unique rethinking of classical sociological paradigms through the lens of systems analysis. His theory emphasizes the internal interconnections of social phenomena, viewing society not as a collection of isolated elements, but as a unified organism with its own functional logic. White's scientific contribution focuses on identifying the hidden patterns that determine the behavior of social actors. Instead of the traditional study of cause-and-effect relationships, the researcher proposed analyzing the deep structures that shape the visible forms of social organization. White's theoretical framework enriches social science with tools for understanding complex network interactions. His methodology allows for the identification of invariant patterns in the functioning of various social systems, which contributes to the creation of more universal explanatory models of social processes. The researcher's approach demonstrates that the study of structural dependencies reveals the mechanisms of social stability and transformation at a deep level.

Keywords: structuralism, social anthropology, social institutions and processes, H. White, philosophy.

Аннотация. Структурализм Х. Уайта представляет собой своеобразное переосмысление классических социологических парадигм через призму системного анализа. Его теория акцентирует внимание на внутренних взаимосвязях социальных явлений, рассматривая общество не как совокупность изолированных элементов, а как единый организм с собственной логикой функционирования. Научный вклад Уайта сосредоточен на выявлении скрытых закономерностей, которые определяют поведение социальных субъектов. Вместо традиционного изучения причинно-следственных отношений исследователь предложил анализировать глубинные структуры, формирующие видимые формы общественной организации. Теоретическая база Уайта обогащает социальную науку инструментами для понимания сложных сетевых взаимодействий. Его методология позволяет выявить инвариантные образцы в функционировании различных социальных систем, что способствует созданию более универсальных объяснительных моделей общественных процессов. Подход исследователя демонстрирует, что изучение структурных зависимостей раскрывает механизмы социальной стабильности и трансформации на глубинном уровне.

Ключевые слова: структурализм, социальная антропология, социальные институты и процессы, Х. Уайт, философия.

Начиная с 1960-х годов структурализм утвердился в качестве противовеса узкому эмпиризму и человеко-центрическому подходу. Подобно своим методологическим соратникам — системному подходу и функциональному структурализму данное направление рассматривает социум как цельный живой организм [3]. Характерные особенности структурализма кроются в его уникальном понимании структуры и её роли применительно к субъекту. Прежде всего структура выступает не просто набором компонентов, из которых складывается целое, а представляет собой комплекс устойчивых взаимосвязей и зависимостей между этими компонентами [11]. Именно такие связи детерминируют место субъекта в системе, его качества и поведение. Кроме того, структуру трактуют в основном как стабильное, неизменное образование: вопросы трансформации внутренних связей и их временной обусловленности отходят на периферию внимания исследователей [7].

Актуальность темы исследования состоит в том, что Хейден Уайт и его тропологическая теория историче-

ского познания внесли существенный вклад в развитие современной социологии и философии в рамках более широкой концепции «нарративного поворота». Одна из основных идей Х. Уайта заключалась в том, что истории, формирующие историческую память, можно анализировать с точки зрения их структуры и функции [4]. Ученый подчеркивает, что нарративы, рассказывающие о событиях, часто подвергаются интерпретации, которая зависит от культурных и контекстуальных факторов [13]. Следовательно, каждое историческое событие можно переосмыслить и по-новому интерпретировать в соответствии с окружающей его структурной средой. Таким образом, структуралистский подход поставил под сомнение традиционные способы исторического исследования, предложив принципиально иные методы сбора и интерпретации сведений о прошлом. Фундаментальный вклад постмодернистской критики научного мышления заключается в осознании неразрывной связи между явлениями, организационными формами, динамическими преобразованиями и историческими нарративами, которые их порождают.

Обращение Х. Уайта к теориям Р. Барта и М. Фуко само по себе свидетельствует о признании повествовательной природы исторических сочинений. Декларация «лингвистического поворота» предопределила неминуемый сдвиг в сторону структурализма, который предложил решение задачи: каким образом рождаются тексты в условиях, когда язык утрачивает функцию прозрачного отражения действительности [2]. В данном контексте ключевым аспектом подхода Хейдена Уайта выступает рассмотрение языка и дискурса в качестве активных сил, формирующих саму основу исторического опыта. В его представлении язык не просто передаёт информацию, но и выступает основным инструментом, через который мир осмысливается и получает интерпретацию [1]. Подход, восходящий к идеям постструктурализма, требует скрупулёзного анализа языковых схем и коммуникативных стратегий, через которые социум конструирует и интерпретирует свою историческую субъектность.

Признание языка составной частью онтологического арсенала повлекло за собой переосмысление статуса научного дискурса: он утратил роль объективного отражателя природных явлений. Речь идёт не о том, что действительность растворяется в текстуальности или вымышленности, а о переформулировке самой реальности как феномена, впитывающего производящий её лингвистический инструментарий [6, 9]. Уайт Х. обосновал разрыв с позитивистской методологией, указав на неразрывную связь языка репрезентации с той сферой бытия, которую он описывает. Данный тезис закрепился в качестве центральной идеи лингвистического поворота, называемого также «языковой революцией». В этой логике реальность конституируется нарративной динамикой, семиотическими операциями означивания, смыслопорождением.

Аналитический инструментарий Х. Уайта обретает повышенную релевантность в контексте исследования культурного достояния и механизмов его передачи. Мыслитель защищает позицию, согласно которой история предстаёт динамичным, перманентно видоизменяющимся образованием [8]. Вследствие этого каждое новое переизложение исторических событий неизбежно видоизменяет их восприятие и интерпретацию. Подобная позиция акцентирует внимание на полифонии исторических повествований, где каждое из них закрепляет мировоззрение и приоритеты определённых общественных слоёв. Столкновения и пересечения между разнообразными прочтениями прошлого органически входят в ткань исторического развития, становясь его неотделимым компонентом [5].

В своих работах Х. Уайт вводит концепцию «исторического повествования» и рассматривает ее как конструкцию, созданную на основе выбора и акцентов, сделанных историками. Согласно исследовательской точке

зрения, изучение структурных элементов повествования позволяет осознать, что история представляет собой не просто фиксацию событий, но и сложный продукт сплетения культурных и общественных сил. Эти силы, в свою очередь, влияют на формирование нашего современного восприятия прошлого. Работа Хейдена Уайта, основанная на структуралистских принципах, заложила фундамент для обновлённой научной парадигмы в историографии. Его методология также существенно расширила методический инструментарий социологии и антропологии, предложив им новые аналитические перспективы [9, 10].

Тропологическая теория Х. Уайта ориентирована прежде всего на понимание структуры пространства через призму тропов — функциональных лингвистических языковых единиц. Подход исследователя, как он сам его характеризует, опирается на формальный анализ: автор не претендует на оценку достоверности взглядов того или иного философа и не ставит задачу их опровержения. Его амбиция заключается в раскрытии архитектоники произведения, рассматриваемого в качестве единого семиотического феномена [12]. С этой целью исследуемые тексты подвергаются рассмотрению по пластам смыслообразования. Данная методологическая схема будет использована при разборе сочинения К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» как труда историко-философского характера [14].

Произведение «Византизм и славянство» построено в синекдохической парадигме. Характерный признак синекдохии среди иных художественных приёмов — её объединяющая природа: все явления исторического среза трактуются как подчинённые единому закономерному началу. Объединяющий потенциал синекдохии проявляется в том, что созданные на её основе повествования охватывают всю палитру событий и их уникальные черты, при условии их редукции к одной скрепляющей идее [5].

Органический способ аргументации устроен таким образом, что исторические события функционируют в качестве аргументов сразу в двух измерениях — на уровне частного и всеобщего. Каждое из этих измерений может генерировать собственный тип сюжетного развития. К примеру, Гегель выстраивает комическую линию на уровне конкретного и трагическую — на уровне универсального, вследствие чего идеологический вывод обретает амбивалентность: может быть прочитан и как охранительный, и как революционный. На плане частного К.Н. Леонтьев развёртывает портреты различных народов: болгар, чехов, германцев, британцев, эллинов, латинян. Их представление получает высокую степень конкретности, но развивается вдоль двух координат: самобытность социокультурного устройства и политико-государственные формации [14]. Переход

от частного к универсальному совершается благодаря объединению элементов данного исторического периода под единое универсальное положение — так называемый «триединый цикл». Европейский период, синхронный К.Н. Леонтьеву, в логике «триединого цикла» квалифицируется как момент вторичной синкретизации. Эта типологизация исторического момента сделает возможными последующие идеологические выводы. Однако, прежде чем углубиться в идеологическую символику текста, требуется разобраться с архитектурой леонтьевского нарратива.

В понимании философа «триединый цикл» функционирует как универсальная повторяющаяся модель, где каждое политическое образование проходит последовательно три фазы: исходная простота, период расцвета и дифференциации, финальное слияние и редукция. Подобное восприятие истории соответствует трагической архитектонике повествования. Отличительный признак трагедии — присутствие неотвратимого рока, который неустанно преследует «персонажа» сквозь весь ход событий и неизбежно его одолевает. Тем не менее гибель персонажа несёт в себе определённый смысл, где происходит расширение понимания зрителя благодаря осознанию закономерности этого рока. Именно в таком ключе мыслитель интерпретирует судьбы государственных структур, как единичных, так и групповых.

Отношение мыслителя ко всему русскому историческому наследию окрашено в позитивные тона, что он постоянно аргументирует, демонстрируя диалектику локального и глобального уровней. Таким образом, для Леонтьева как допетровская Русь, так и петровская эпоха, екатерининский период, александровские реформы воспринимаются главным образом как времена «расцвета», поскольку эти эпохи пребывают на стадии эволюции к максимальной дифференциации: формирование разветвлённой государственной архитектуры при одновременной консолидации её структур посредством укрепления монархического авторитета [14]. Вместе с тем Российское государство может избежать трагической развязки благодаря мощному авторитарному принципу (византизму), несущему в себе возможность ограничить центробежные и редуцирующие энергии финального этапа.

Конструирование сюжетной линии и система доказательства организуются таким образом, чтобы актуализировать определённые этические, или, точнее сказать, идеологические выводы. Идеологическое содержание сочинения «Византизм и славянство» может быть охарактеризовано как охранительное. По словам Уайта, охранители видят историческое движение как эволюцию планомерную, органичную подобно произрастанию живого организма, всей системы институтов, достигшей своего пика в «современную эру» (имеется в виду теку-

щий момент и недавно минувшее прошлое) [13]. Действительно, Леонтьев описывает логику развёртывания «триединого цикла» как естественный процесс, проводя аналогию с организменной эволюцией. В становлении российского государственного организма Леонтьев усматривает укрепление византийского начала [14]. При условии, что Россия занимает позицию максимального расцвета и сложности, и где всякие трансформации представляются нежелательными, ибо сложившееся положение — это то единственное, на которое реально можно рассчитывать. Однако одновременно возникает возможность и радикального идеологического вывода, коль скоро грядущему предстоит последняя ступень общемирового исторического процесса (что неизбежно повлечёт трагедию) необходимо максимально долго поддерживать существующий порядок любыми доступными способами.

Таким возможным экстремальным методом, по мнению Леонтьева, является максимально длительное сохранение устоев собственной культуры (византизма) в его первозданности и её экспансия за пределы России (в европейские земли), поскольку апогей развития достигнут, а впереди ожидает только деградация [14].

Историософское сочинение К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» воплощает синекдохическую парадигму. Синекдоха определила тип обоснования — органический, обусловила трагическую и комическую линии нарратива. На основе органического доказательства с комической архитектоникой сформулирован охранительный идеологический смысл, на основе того же доказательства с трагической архитектоникой — радикальный. Использование аналитического инструментария Хейдена Уайта, восприятие произведения Леонтьева сквозь призму языковой структуры позволили обнаружить ключевые пласты данного сочинения в их органичном единстве и взаимообусловленности, а также раскрыть семиотические механизмы его формирования. Таким образом, тропология истории Х. Уайта позволяет глубже понять, как язык формирует историческое сознание. Это признание особенно важно во времена больших перемен, когда текущая история может вызывать горячие споры, в зависимости от точки зрения.

Лингвистическая неоднозначность, обозначенная в тропологии Х. Уайта, становится инструментом исследования сложных отношений между текстом и его интерпретацией. Каждая метафора, подобно многогранному кристаллу, отражает разные аспекты реальности, что делает ее ценным элементом исторического анализа [3]. Например, использование одного и того же символа в разных культурах может привести к совершенно разным интерпретациям, что подчеркивает важность учета контекста при изучении исторических событий. Такое разнообразие значений открывает широкие возможно-

сти для критического переосмысления мира через тропологию, позволяя со временем модифицировать устоявшиеся идеи познания. Дискуссии о значении метафор имеют прямое значение для нашего понимания идентичности и исторической памяти. То, как мы воспринимаем ту или иную историческую фигуру или событие, зачастую зависит от того, как в разное время интерпретировались ее образы и символы. В данном контексте важность языка выходит за рамки простого общения. Это не только средство передачи знаний, но и средство подвергнуть сомнению существующие парадигмы и подчеркнуть динамизм исторических повествований [11]. Понимая неоднозначность языка, мы можем лучше понять проблемы, стоящие перед обществом, и даже предложить новые способы их решения.

Таким образом, проведенное исследование даёт основание для следующих итоговых положений: методологический аппарат Х. Уайта, построенный на струк-

туральных принципах, предлагает оригинальную перспективу восприятия истории, переориентируя внимание от конкретных фактов на более фундаментальные взаимосвязи и корреляции. Данный подход способствует обнаружению закономерностей и регулярностей, ранее остававшихся вне поля зрения исследователей. В качестве примера можно привести социологию, где структуральный анализ раскрывает механизмы, посредством которых общественные структуры детерминируют поведенческие паттерны личности. Всякая область знания, ассимилирующая структуральный метод, обретает дополнительные инструменты аналитической работы и реинтерпретации информации, что стимулирует расширение междисциплинарного диалога. Как следствие, применение теоретического наследия Уайта раздвигает границы интеллектуального поиска, открывая новые возможности для постижения сложноплетённых процессов взаимодействия человеческого творчества и культурного целого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Swiggers P. The Contribution of Romance Linguistics to the Development of Structuralism // In book: Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. — 2021. № 2. — pp. 67–79.
2. Tengelyi L. In defense of historical experience: On Paul Ricoeur's debate with Hayden White // Victorian Studies. 2019. № 55(4). — pp. 742–744.
3. Агафонов В.В. Нарративная философия истории как новый вариант историцизма // Вестник КамчатГТУ. 2019. № 9. — С. 36–49.
4. Ашкерев А.Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта // Социологическое обозрение. 2002. № 1. — С. 86–99.
5. Биесов А.Г. Тропологическая теория исторического познания Х. Уайта и ее применение к анализу работ по философии истории // Манускрипт. 2017. № 12-1 (86). — С. 212–226.
6. Бухараев В.М., Мягков Г.П. Тропологическая стратегия Хейдена Уайта в ситуации позднего постмодернизма: возможности и пределы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 5. — С. 31–52.
7. Герасимов О.В. Исторический опыт как опыт прошлого: содержание и структура // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 1. — С. 188–191.
8. Заец Д.В. Осмысление и критика философии истории Х. Уайта в ранних трудах Ф. Анкерсмита // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). — С. 301–317.
9. Кобылин И.И. «Философская история» Хейдена Уайта, или О пользе и вреде жизни для историографии // Новое литературное обозрение. 2019. № 1. — С. 95–105.
10. Кукарцева М.А. Современная философия истории США. Иваново, 1998. — 215 с.
11. Лосев В.В. Дистинкция истории и историцизма в нарративной философии истории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2020. № 2. — С. 78–82.
12. Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. — С. 25–38
13. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. — 527 с.
14. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 2016. — 170 с.